

О. Ф. Гаврилов

Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Российская Федерация

Е. О. Гаврилов

Кемеровский государственный медицинский университет
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Российская Федерация

Философско-правовые аспекты мер уголовной ответственности в сфере выражения религиозных убеждений и отношения к религии в России

Резюме. В исследовании осуществлено соотнесение норм УК РФ и норм Конституции РФ, регулирующих отношения, связанные с выражением религиозных убеждений и отношения к религии, в контексте социокультурных оснований тех процессов, на которые эти нормы распространяются. Показано, что за последние 30 лет законодательство в этой области претерпело изменения в направлении от буквальной трактовки принципов светского общества к конфессионально ориентированным предпочтениям. В статье приводятся аргументы сторонников и противников этих трансформаций права в статьях УК РФ, призванных защитить верующих и их святыни от нападок. Обосновано, что эта мера, выделяющая субъектов религиозности и объекты их почитания в особо охраняемую группу, только отчасти соответствует заявленной цели. В действительности происходит внедрение мер государственного принуждения в систему взаимодействия субъектов религиозной жизни, представителей религии и светского общества в целях усиления контроля со стороны власти над сферой религиозных отношений. Критикуются идеи о преодолении эксцессов в этой сфере не только путем многоступенчатой правовой регламентации сферы религиозных отношений, но и посредством совершенствования норм права в направлении «положительного» или «отрицательного» цензурирования (дискриминации). Каждый из этих способов имеет свои существенные недостатки и может быть расценен как тупиковый. Возможно, взвешенная государственная политика в данной сфере лежит в стороне и от ужесточения карательных мер за выражение религиозных убеждений, и от попустительства вседозволенности форм выражения отношения к религии, чреватых социальными конфликтами.

Ключевые слова: богохульство; кощунство; ненависть; язык вражды; дискриминация; экстремизм; равенство; свобода совести; плюрализм; принудительная толерантность; конформизм

Для цитирования: Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Философско-правовые аспекты мер уголовной ответственности в сфере выражения религиозных убеждений и отношения к религии в России. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 4. С. 105–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.105-123

Philosophical and Legal Aspects of Criminal Liability Measures in the Sphere of Expression of Religious Beliefs and Attitudes towards Religion in Russia

Oleg F. Gavrilov

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Evgeny O. Gavrilov

Kemerovo State Medical University
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The study correlates the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the norms of the Constitution of the Russian Federation governing relations as to the expression of religious beliefs and attitudes towards religion in the context of the socio-cultural foundations of the processes to which these norms apply. It is shown that over the past 30 years, legislation in this area has undergone changes in the direction from a literal interpretation of the principles of a secular society to confessional-oriented preferences. The paper presents the arguments of supporters and opponents of these transformations of law in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, designed to protect believers and their shrines from attacks. It is proved that this measure, which distinguishes subjects of religiosity and objects of their veneration into a specially protected group, only partially corresponds to the stated goal. In fact, state coercion measures are being introduced into the system of interaction between subjects of religious life, representatives of religion and secular society in order to strengthen government control over the sphere of religious relations. The ideas of overcoming excesses in this area are criticized not only by means of multi-stage legal regulation of the sphere of religious relations, but also by improving the norms of law in the direction of «positive» or «negative» censorship (discrimination). Each of these methods has its own significant drawbacks and can be regarded as a dead end. Perhaps a balanced state policy in this area lies apart from the tightening of punitive measures for the expression of religious beliefs, and from condoning permissiveness of forms of expression of attitudes towards religion, fraught with social conflicts.

Keywords: blasphemy; heresy; hatred; hate speech; discrimination; extremism; equality; freedom of conscience; pluralism; forced tolerance; conformism

Cite as: Gavrilov OF, Gavrilov EO. Philosophical and Legal Aspects of Criminal Liability Measures in the Sphere of Expression of Religious Beliefs and Attitudes towards Religion in Russia. *Lex Russica*. 2025;78(4):105-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.105-123

Введение

В современном чрезвычайно дифференцированном социуме особую остроту приобретает вопрос об условиях баланса интересов разных социальных групп. Его актуальность наиболее очевидна в контексте поиска социальной справедливости в сфере религиозной активности, что оказывает влияние на состояние всего общества. Субъектами коллизий на религиозной почве, нередко заряженных высоким конфликтным потенциалом, выступают представители разных религиозных объединений, власти, институтов гражданского общества. Государство использует различные способы предотвращения эксцессов в этой области. Одним из таких способов является правовое регулирование, препятствующее перерастанию этих конфликтов в открытые столкновения.

Для реализации данной цели в российском законодательстве создан ряд охранительных норм, в первую очередь уголовного права, выделяющих некоторые социальные взаимодействия в обособленную группу по религиозному признаку. Эти нормы устанавливают меру соотношения интересов отдельных антагонистических социальных групп, государства, общества в целом. Однако оценка их целесообразности и эффективности в значительной степени зависит от того, какой модели отношений между религией, обществом и государством придерживается тот или иной специалист. Так, в разнообразии оценок можно выделить позиции клерикализма, секуляризма, различных вариантов традиционализма и др. Естественно, что в ракурсе этих многочисленных подходов меры правового регулирования могут быть истолкованы и толкуются как недостаточные или

как избыточные, то есть как неадекватные специфике регулируемых отношений.

Проблема состоит в том, что оценка данных правовых инструментов сугубо в рамках юридикзма либо, напротив, с позиции мировоззренческих предпочтений ограничивает возможность выбора адекватных средств регулирования религиозных отношений. Ее решение видится на пути включения содержания правовых мер противодействия конфликтам на религиозной почве в социокультурный контекст современной России. Сделать это можно только в рамках философской экспертизы, обладающей возможностями интегрального подхода.

Теоретические основы

Целью настоящего исследования является определение соответствия норм уголовно-правового регулирования выражения религиозных убеждений и отношения к религии ценностям, закрепленным в Конституции РФ и культуре современного российского общества. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

1. Совместить формально-юридический подход с возможностями философской экспертизы посредством включения содержания правовых мер противодействия конфликтам на религиозной почве в социокультурный контекст современной России.

2. Выработать взвешенную оценку уголовно-правового противодействия социальным конфликтам на религиозной почве.

3. Охарактеризовать возможности повышения эффективности правовой регламентации сферы религиозных отношений.

В свою очередь, решение этих задач предполагает обращение к ряду исследовательских вопросов. Прежде всего следует выделить стороны конфликтов в религиозной сфере и тем самым сформулировать их типологию. Значительными информативными возможностями располагает обращение к зарубежному и отечественному опыту законодательного регули-

рования тех сторон религиозных отношений, которые содержат конфликтотенный потенциал. Заслуживают внимания тенденции, проявляющиеся в этой области в динамике правовой системы России и за рубежом. Наконец, решению поставленных задач и сформулированной цели исследования будет способствовать формально-юридический и философский анализ определенных норм УК РФ, призванных предотвращать эксцессы социальных контактов в сфере религии в контексте современной социокультурной ситуации.

Источниками исследования стали работы отечественных и зарубежных специалистов в области социальной философии, религиоведения, лингвистики, норм международного права и законодательства зарубежных стран и России. В качестве иллюстративного материала привлечены резонансные конфликтные ситуации, возникшие на религиозной почве и нашедшие отражение в СМИ. Некоторые из них можно рассматривать как информационный повод для развития правотворческой деятельности в том или ином направлении.

В качестве философского методологического основания данного исследования преимущественно принят деятельностный подход. Его элементы прослеживаются еще в античной философии, а в более разработанном виде он встречается в трудах представителей немецкой классической философии XVIII–XIX вв., К. Маркса («практика»), М. Вебера, Т. Парсонса («социальное действие»). Его актуализации в отечественных социально-философских исследованиях способствовали, в частности, В. А. Лекторский¹ и Т. В. Науменко. Согласно Т. В. Науменко, «...субъекты, объединенные общей и единой целью, в основе которой лежат одинаковые ценности и потребности и для достижения которой определяют одинаковые средства, субъекты, которые ожидают единого общего результата, то есть заинтересованы в общем продукте их деятельности, могут относиться к категории коллективного субъекта, ибо они совместно реализуют собственную программу»². Этот ракурс соответствует направле-

¹ Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65 ; Он же. Деятельностный подход: начало и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1 (75). С. 13–16.

² Науменко Т. В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Журнальный клуб «Интелрос» Credo new. 2013. № 1. URL: <https://intelros.ru/readroom/credonew/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html> (дата обращения: 25.08.2024).

ности нашего исследования и позволяет рассматривать конфликты в религиозной сфере, а также меры противодействия им как духовно-практическую деятельность, ведущую к определенным результатам, оцениваемым с точки зрения эффективности или неэффективности. Важнейшим условием деятельности является свобода, что ориентирует нас на анализ этого феномена в контексте юриспруденции, конфликтологии, философии культуры.

Методология исследования конкретных правовых инструментов, используемых государством с целью профилактики конфликтов в области религии, предполагает анализ корректности формулировок соответствующих норм, меры их адекватности, наличия коллизий, явной и имплицитной мотивации законодателя. Взвешенная оценка эффективности юридических средств подразумевает выход за границы нормативно-догматического анализа законодательства и дополнение его принципами философско-правового подхода.

1. Конфликты на религиозной почве как отношение альтернатив общественного устройства: типологические характеристики

Конфликты на религиозной почве разнообразны, но могут быть разделены в самом общем виде на две группы в зависимости от содержания мировоззренческих позиций их сторон. Первая из них представляет собой столкновение интересов религиозных объединений с представителями светского общества. Вторая — противоречия, возникающие между различными религиозными сообществами или внутри этих сообществ³. Рассмотрим их более подробно.

Некоторые аспекты деятельности религиозных объединений воспринимаются частью со-

временного российского общества как наступление на светские ценности и светский образ жизни, складывающийся на их основе. В частности, сторонники светской модели общества протестуют против введения в школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики», массового строительства религиозных сооружений, включения теологии в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, радикальных высказываний отдельных священнослужителей по поводу проявления светскости, отдельных публичных аспектов религиозной активности (демонстрации символов, соблюдения предписаний, проведения ритуалов и пр.). В качестве иллюстрации резонансных поводов для социального конфликта можно указать ношение никаба или хиджаба, религиозные шествия и публичные молебны, резкое публичное осуждение «пороков» светского общества и др.⁴ Эти и подобные им факты рассматриваются как нарушение конституционных прав граждан, закрепляющих светский характер государства. Результатом такого восприятия религиозного поведения становится нигилизм, а порой и агрессия по отношению к религии в целом и отдельным конфессиям, любым проявлениям религиозности. Нередко эта позиция приобретает провокационные формы⁵. Исходя из этого выдвигаются требования ограничить любую религиозную активность стенами религиозных сооружений, исключить демонстрацию религиозной принадлежности и убеждений.

В свою очередь, представители религиозных сообществ рассматривают некоторые особенности светскости как покушение на нравственность, на основы вероучения, на святыни и, следовательно, на права верующих свободно исповедовать свою религию и выражать соот-

³ Данная типология достаточно условна. Ее можно представить также в виде трех групп, выделив конфликты внутри религиозных объединений в отдельную группу. Однако для достижения целей исследования важно выделить противопоставление взглядов людей верующих и неверующих, а также верующих с верующими без дополнительных подразделений. Это и задает критерий деления религиозных конфликтов на две группы.

⁴ Зубов И. В РПЦ нашлись священники, осудившие жертв теракта за нарушение Великого поста // Новые Известия. 2024. 26 марта. URL: <https://newizv.ru/news/2024-03-26/v-rpts-nashlis-svyaschenniki-osudivshie-zhertv-terakta-za-narushenie-velikogo-posta-428572> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵ Шакиров А. Уголовное дело возбуждено против блогерши, оголившей грудь перед храмом Василия Блаженного // Комсомольская правда. 2021. 23 октября. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4489199/> (дата обращения: 25.08.2024); Мусульманки призвали обдумать принятие мер в отношении людей, снимающихся в полуголом виде у храмов // Говоритмосква.ру. 2022. 20 января. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/302427/> (дата обращения: 25.08.2024).

ветствующие убеждения. Следствием этой оценки становится нетерпимость по отношению к различным сторонам светской жизни, интерпретация их как проявлений «греховности». Это мнение выражается в осуждении ссудного процента, абортот, генной инженерии, светского брака, многих произведений искусства и др. Более радикальные сторонники этой позиции призывают к замене светской этики и законов государства на свод религиозных норм. В некоторых случаях так и происходит⁶. Наиболее радикальным представителям некоторых религиозных объединений средством достижения этой цели видится применение насилия вплоть до террора или репрессий.

Высоким потенциалом конфликтности характеризуются отношения и в среде самих верующих. Это касается как взаимоотношений традиционных конфессий друг с другом, с новыми религиозными течениями, так и расхождений в рамках одной конфессии. Причиной конфликта в первом случае часто бывает конкуренция на поле духовного окормления и естественная установка каждой религии на единоличное обладание сакральной истиной и благодатью. Во втором случае подоплекой могут служить вопросы власти, а также мировоззренческие разногласия. При всей очевидности этих причин их следует понимать как поверхностные мотивации. За ними скрываются более глубокие предпосылки.

Основа всех столкновений, которые происходят в пространстве религиозных отношений и в которые вовлечены самые разные стороны, — различное понимание оппонентами принципов организации жизни общества. Именно этот фундаментальный вопрос обуславливает остроту конфликтов на религиозной почве и многообразие их форм в диапазоне от выражения пренебрежения до открытого насилия,

нейтрализация которого требует проведения спецопераций. Поэтому такого рода конфликты следует обязательно рассматривать в связи с общемировыми процессами в области политики, экономики, экологии и пр. В качестве иллюстрации включенности религиозной проблематики в «гражданскую» повестку дня можно привести резонанс, который возникает между наступлением представителей православной среды на движение экуменизма как «лобби оккультных глобалистов» и усилиями государства, направленными на защиту суверенитета в условиях расширяющейся глобализации⁷. Более того, сугубо религиозная проблематика не просто созвучна проблемам других сфер общественной жизни. Она может трактоваться как неотъемлемая часть и даже маркер общесоциальных процессов⁸. В этой связи становится понятно, почему государство не остается в стороне от религиозных отношений, а оказывается их деятельным участником.

Полемика вокруг религиозной тематики может при определенных условиях перерасти в жесткое противостояние. Опыт человечества в целом и история России в частности показывают, насколько эти ситуации могут быть опасными, как легко они трансформируются в кровавые эксцессы, выход из которых оказывается чрезвычайно трудным. Естественно, что российское государство ищет способы снизить напряженность, вызванную религиозными факторами, но одновременно использует ее в своих целях, применяя для этого, помимо прочего, средства правового регулирования. В поле правового регулирования попадают конфликты, вызванные оскорблением чувств верующих, а также разжиганием ненависти и вражды по религиозному признаку, которые предусматривают уголовную ответственность. Определим, насколько эти меры соответствуют декларируемым целям.

⁶ Шариат и адат: по каким законам живут мусульмане Кавказа // Российское агентство правовой информации. 2022. 4 апреля. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20220404/307852546.html (дата обращения: 25.08.2024).

⁷ Павленко В. Суверенитет против глобализма — главная дилемма XXI века // Regnum. 2019. 30 января. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2562074.html> (дата обращения: 25.08.2024).

⁸ Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФЦИН России, 2015. С. 118–132 ; Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Жукова О. И. Христианский теологический дискурс в современной России: области приложения, актуальные проблемы // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 28–29. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2023.3.2>.

2. Ответственность в сфере выражения отношения к религии: зарубежный и отечественный опыт

Законодательное урегулирование конфликтов на религиозной почве в основном касается двух взаимосвязанных аспектов религиозной жизни. Первый касается законодательной защиты чувств верующих и их святынь, а второй — розни на религиозной почве и религиозного экстремизма. Разделение этих аспектов в правовых актах осуществляется не всегда последовательно, что приводит к их совмещению.

Обращение к зарубежному опыту правового регулирования конфликтов на религиозной почве показывает, что применение мер уголовно-правовой защиты чувств верующих является распространенной практикой в мусульманских странах Ближнего Востока и Северной Африки, странах Евросоюза, а также нашего ближнего зарубежья⁹. Более того, Организация исламского сотрудничества, объединяющая 57 исламских стран, неоднократно поднимала в ООН вопрос о закреплении в международно-правовых актах запрета на оскорбление верующих¹⁰. В свою очередь,

ООН с 1999 г. периодически принимает соответствующие резолюции, направленные против религиозной вражды, не имеющие, правда, обязательного характера¹¹.

В такого рода воззваниях содержится противопоставление ценности религиозных чувств свободе мнения и самовыражения, что может быть истолковано как требование ограничить свободу слова. В целом международные стандарты исходят из приоритета свободы слова и свободы вероисповедания как базовых общечеловеческих ценностей, но и они содержат статьи об ограничении свободы убеждений и выражения своего мнения «для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (см. ч. 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах)¹². Это создает предпосылки для разнообразных интерпретаций: от права на богохульство до обоснования необходимости ограничить формы выражения религиозных убеждений и в целом отношения к религии¹³. Причем богохульство в одних интерпретациях отделяется от религиозной ненависти, а в других ассоциируется с критикой или клеветой на религиозную орга-

⁹ Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний в уголовно-правовой семье религиозного права на примере современных мусульманских государств // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 9 (113). С. 401–411 ; Ермакова Т. Н., Петухов К. В. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 70–75 ; Зайцев И. А. Уголовно-правовой и административно-правовой способы охраны конституционного права на свободу совести и вероисповедания по законодательству Российской Федерации и некоторых стран СНГ // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 497–501 ; Хулап В. Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2 (35). С. 150–171 ; Смерть за вероотступничество и принудительная стерилизация: как в странах мира нарушают право на свободу религии // Новости ООН. 2020. 3 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1389692> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁰ ОИС больше не будет требовать запрета богохульства // Islam.ru. 2012. 18 октября. URL: <https://islam.ru/news/2015-09-04/33867?ysclid=lrtcnglqoc924566094> (дата обращения: 25.08.2024).

¹¹ Организация исламского сотрудничества приветствует принятие резолюции об актах религиозной ненависти в Совете по правам человека / Организация исламского сотрудничества, 13 июля 2023 г. // URL: <https://una-oic.org/ru/генеральный-секретариат/2023/07/13/Организация-исламского-сотрудничества-высоко-оценивает-принятие/> (дата обращения: 25.08.2024).

¹² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // United Nations Treaty Series. Vol. 999. P. 225–240. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.08.2024).

¹³ Богохульство как свобода // Интерфакс. 2009. 1 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/82866> (дата обращения: 25.08.2024) ; День богохульства (Международный день права на богохульство) // Повседневная жизнь. При поддержке Anyday Guide. URL: <https://anydaylife.com/calendar/2533> (дата обращения: 25.08.2024) ; Сажать в тюрьму за богохульство предложил петербургский священник // Аргументы и факты. 2012. 11 июля. URL: <https://spb.aif.ru/society/694330> (дата обращения: 25.08.2024) ; Отношение Русской православной церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес церкви //

низацию. Очевидно, что обе интерпретации открывают путь для социальных манипуляций.

Что касается уголовно-правового противодействия религиозной розни или ненависти по религиозному признаку, то в значительном числе стран на волне борьбы с международным терроризмом, начало которой положили теракты 11 сентября 2001 г. в США, появилось и развивалось законодательство, направленное против экстремизма и терроризма¹⁴. В многочисленных актах ООН, международных договорах закрепляется запрет на дискриминацию по признаку веры, а также различные проявления экстремизма и терроризма¹⁵. Однако, хотя в международных актах религиозная составляющая обычно упоминается в ряду других факторов социальной розни и насилия, общий характер документов подчеркивает недопустимость дискриминации по различным признакам, включая религиозные убеждения.

Охранительные нормы зарубежного и международного права в сфере религиозных отношений можно разделить на четыре группы. Первая группа норм направлена на пресечение деяний, разжигающих религиозную рознь, вто-

рая — на защиту верующих от дискриминации, третья — на охрану основ вероучения, четвертая — на защиту светского характера общества. В ряде стран предусмотрена уголовная ответственность за данные деяния. То есть законодательство некоторых современных стран не только предусматривает ответственность за разжигание религиозной розни или за оскорбление чувств верующих, но и относит эти деяния к категории преступлений.

В то же время, что отражено в четвертой группе норм, для значительного числа стран охраняемым социальным институтом является светский образ жизни, что закономерно ведет к ограничениям в способах выражения религиозных чувств. Более того, в начале XXI в. ответственность за деяния, относимые к богохульству, кощунству, оскорблению религиозных чувств, была отменена некоторыми государствами (Великобритания, Исландия, Дания, Ирландия)¹⁶. В целом практика показывает, что опыт зарубежных стран в области правового регулирования религиозных конфликтов не говорит о наличии однозначно эффективных инструментов разрешения антагонизма между религиозными

Фома. 2015. 17 августа. URL: <https://foma.ru/otnoshenie-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-k-namerennomu-publichnomu-bogohulstvu-i-klevete-v-adres-tserkvi.html> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Абрамов А.* Борьба против диффамации религий в резолюциях ООН // Журнал Московской патриархии и Церковный вестник. 2022. № 6. URL: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/ (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁴ *Бидова Б. Б.* Анализ вопросов борьбы с религиозным экстремизмом: сравнительно-правовой анализ // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 45–49 ; *Гамидов Р. Т.* Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 28–32.

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, А/CONF.187/4/Rev.3) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 25.08.2024) ; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (КНР, Шанхай, 2001) // Законодательство России. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=201020008&collection=1&ysclid=lru4de1998965281541 (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁶ *Geller R. N.* Goodbye to Blasphemy in Britain // Institute for Humanist Studies. 2008. 14 May. URL: <http://humaniststudies.org/enews/?id=348&article=0> (дата обращения: 25.08.2024) ; В Исландии отменили закон о запрете богохульства // Фома. 2015. 6 июля. URL: <https://foma.ru/v-islanii-otmenili-zakon-o-zaprete-bogohulstva.html?ysclid=lru662buv5307283385> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Дивеева Ю.* В Дании отменили уголовное наказание за богохульство // Комсомольская правда. 2017. 3 июля. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2765419/> (дата обращения: 25.08.2024) ; *Козалов Ю.* Жители Ирландии разрешили себе богохульничать // Российская газета. 2018. 28 октября. URL: <https://rg.ru/2018/10/28/zhiteli-irlandii-razreshili-sebe-bogohulnichat.html> (дата обращения: 25.08.2024).

чувствами и свободой слова. Об этом свидетельствуют не только теракты или акты агрессии, но и резонансные судебные процессы¹⁷.

Проблема противодействия конфликтам на религиозной почве актуальна и для России. Деятельность религиозных организаций в нашей стране в значительной степени определяется Конституцией РФ и Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁸. В этих актах закрепляется светский характер российского государства, гарантируется равенство вероисповеданий. Однако практика применения этих норм в течение определенного времени претерпела значительные изменения. Первоначально содержание данных норм трактовалось как обеспечение значительной свободы в выражении религиозных чувств и нейтралитета государства по отношению к различным вероисповеданиям при условии соблюдения ими правовых предписаний. Светский характер российского государства, закрепленный в праве, предполагает, что оно устраняется из процесса непосредственной регламентации внутри- и межконфессиональной жизни, из общественной деятельности религиозных организаций.

Некоторое время этот принцип выдерживался. Но бурный религиозный процесс последних двух десятилетий сопровождался образованием деструктивных религиозных объединений, активно использующих предоставленные законом возможности в преступных целях, что, в частности, сопровождалось ростом преступлений на религиозной почве, массовыми случаями мошенничества и религиозного экстремизма¹⁹.

Реакция власти на эти проблемы последовала не сразу. Декларируемая позиция равно-

удаленности государства от всех религиозных течений не позволила быстро сформулировать последовательную политику в области пресечения социально опасных тенденций в сфере религиозных отношений. Кроме того, буквальное воплощение представления о беспристрастности государства по отношению ко всем организациям религиозной направленности нередко вело к принижению роли аутентичных культурообразующих религий, что, в свою очередь, оборачивалось размыванием границ государственной и цивилизационной идентичности, сформированных на основе именно традиционных вероучений.

Последовавшие со временем изменения в законодательстве и в практике его применения показывают, что сегодня государство в определенной степени отходит от закрепленных в Конституции РФ принципов светского общества. Это видится в усилении административного контроля над нетрадиционными религиозными движениями посредством разработки и использования норм, ужесточающих их регистрацию, ограничивающих их деятельность вплоть до запрета, а также в наличии явного крена государства в сторону сотрудничества только с традиционными конфессиями. Последняя тенденция, в частности, нашла нормативное закрепление в актах, нацеленных на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей²⁰, защиту некоторых священных текстов (Библия, Коран, Танах, Ганджур) от антиэкстремистского законодательства²¹.

В русле корректировки политики в области религии находятся и нормы уголовного права, направленные на противодействие конфликтным ситуациям в сфере религиозных отноше-

¹⁷ Бакошин С. А. Свобода слова vs свобода религии: богохульство в практике Европейского суда по правам человека // *Zakon.Ru*. 2013. 15 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2013/8/15/svoboda_slova_vs_svoboda_religii_bogoxulstvo_v_praktike_evropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // *Российская газета*. 1993. 25 декабря. № 237 ; Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // *СЗ РФ*. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁹ Для примера: «Бог Кузя» получил пять лет колонии за создание секты и мошенничество // *Интерфакс*. 2018. 16 июля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/621273> (дата обращения: 25.08.2024) ; Экстремистские материалы // Сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁰ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *СЗ РФ*. 2022. № 46. Ст. 7977.

²¹ Федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”» // *СЗ РФ*. 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6680.

ний посредством защиты групп верующих. Речь идет о ст. 148 и 282 УК РФ²². Рассмотрим смысл и специфику предмета правового регулирования этих статей более подробно. Обратимся сначала к анализу ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», введенной в Уголовный кодекс в 2013 г. и предполагающей наказание за оскорбление религиозных чувств верующих. До этого данное деяние квалифицировалось как административное правонарушение (ст. 5.26 КоАП РФ²³), но скандал вокруг акции группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя стал поводом для включения этой нормы в уголовное законодательство. В статью 148 УК РФ были внесены поправки, касающиеся ее названия и содержания. Ранее статья называлась «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», а в новой редакции — «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий». В статью добавили нормы, предусматривающие наказание за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Она не только закрепляет ответственность за «оскорбление религиозных чувств верующих», но и рассматривает действия, приносящие ущерб верующим, как выражение явного неуважения к обществу в целом. Именно поэтому данная статья относится к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина²⁴. Статья имеет своим объектом отношения по поводу свободы совести и вероисповедания, включая осуществление религиозной деятельности, а ее объективную сторону составляют действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а также воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов²⁵. К та-

ковым может быть отнесено, например, открытое глумление над конкретными проявлениями вероисповедания, вызванное хулиганскими побуждениями, не носящими программного или радикального характера, или закрытие помещений религиозных организаций. Согласно статистике, статья 148 УК РФ применяется сравнительно редко (в среднем осуждению подвергается не более 10 человек за год)²⁶.

Перейдем к рассмотрению особенностей ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Эта статья существовала в УК РФ с момента его принятия в 1996 г. В исходной редакции она носила название «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» и во многом соответствовала ст. 74 УК РСФСР 1960 г. «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии»²⁷. В 2002 г. были внесены поправки к УК РФ, которыми, в частности, изменялось название и содержание ст. 282 УК РФ. Она была переименована и предполагала более строгие санкции, что было, по-видимому, обусловлено действующим с 1999 по 2009 г. режимом контртеррористической операции в Чеченской Республике.

Статья 282 УК РФ в качестве объекта имеет общественные отношения по поводу охраны конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, точнее равноправия граждан независимо от отношения к религии. Ее объективная сторона — активность, направленная на возбуждение ненависти или унижение достоинства, в том числе и по признаку отношения к религии²⁸, что может находить выражение в словесной форме или в форме соответствующих действий, проникнутых враждой и неприязнью. По смыслу данная статья предполагает сознательное, организованное и последовательное противопоставление как чужим

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. / В. М. Лебедев [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2023. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII–VIII. С. 148–151.

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 148–151.

²⁶ Данные о назначенном наказании по статьям УК (2016–2022) // Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.api-преец.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу с 1 июля 1997 г.).

²⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 36–39.

воззрениям и образу жизни, так и социально-политическому укладу государства. В Уголовном кодексе РФ предусмотренные ею деяния относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства²⁹. Тем не менее в значительной степени статья 282 УК РФ ориентирована на пресечение причинения вреда не только непосредственно конституционному строю, но и отдельному человеку или группе.

По статистике, динамика преступлений, предусмотренных этой статьей, достаточно высока, что было особенно заметно в периоды с 2014 по 2018 гг. и с 2021 по 2022 гг. (более тысячи зарегистрированных преступлений в год), но выделить из их числа деяния, продиктованные только отношением к религии, достаточно сложно³⁰. В судебной практике по данной статье фигурируют наказания за лайки и репосты в соцсетях, которые суд отнес к действиям, разжигающим религиозную рознь. Ее активное применение к подобным деяниям начиная с 2011 г. приводит к закреплению за ней таких названий, как «статья за репосты», «политическая статья», «русская статья», что позволяет увидеть основные направления ее критики и главных адресатов ее применения³¹.

В ракурсе нашего исследования речь идет не только о людях, критически настроенных к религии с позиции светского мировоззрения, но и о тех, кому свойственна активность, имеющая ортодоксальный и даже фундаменталистский характер, более того, с подчеркнутой политической ангажированностью. Применение данной статьи является защитой представителей различных религий не от оскорбления их чувств, а от угрозы более серьезных посягательств, как правило со стороны радикально настроенных верующих. В 2018 г. была инициирована частичная декриминализация этой статьи путем перевода ее первой части в КоАП РФ.

Отметим, что приведенными статьями противоправные деяния в сфере религиозных отношений не исчерпываются. Заслуживает

внимания часть 1 ст. 239 УК РФ, предусматривающей ответственность за создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Здесь акцент делается на насилии, а не на выражении убеждений. Направленностью на действия экстремистского характера отличаются деяния, предусмотренные статьей 280 УК РФ, что включает в себя и проявления религиозного экстремизма. Анализ этих статей может существенно дополнить картину конфликтов на религиозной почве.

Однако мы ограничиваем предмет исследования только содержанием ст. 148 и 282 УК РФ по той причине, что именно они связаны с ответственностью за выражение собственного мнения относительно вопросов, касающихся религии. Добавим к этому, что вне поля исследования остаются статьи, предусматривающие иные, нежели уголовную, виды ответственности за выражение убеждений, мнений и отношений к вопросам вероисповедания. Статьи УК РФ заслуживают внимания прежде всего потому, что рассматривают подобного рода деяния как общественно опасные.

Итак, учитывая содержание ст. 148 и 282 УК РФ, можно предполагать, что законодатель расценивает определенные действия как посягающие на права отдельных граждан и групп и одновременно представляющие угрозу обществу в целом. Специфика этих статей состоит в следующем. Если статья 148 противодействует посягательствам на чувства верующих, то статья 282 препятствует нарушениям равноправия, в частности в сфере религии, когда отдельные люди или группы лиц оказываются объектом вражды и ненависти. Если действия, предусмотренные статьей 148, нередко совершаются из хулиганских побуждений и являются свидетельством скорее пренебрежительного отношения к верующим, то статья 282 устанавливает наказание за активность, которая совершается целенаправленно и нередко организовано.

²⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 36–39.

³⁰ Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.08.2024); Данные о назначенном наказании по статьям УК (2016–2022) // Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.08.2024).

³¹ Сошенко А. «Русскими статьями» по «русскому вопросу» // Русская народная линия. 2018. 23 февраля. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/02/23/russkimi_statyami_po_russkomu_voprosu/ (дата обращения: 25.08.2024).

Однако в процессе правоприменения добиться четкого разделения этих статей непросто. Действия, предусмотренные статьей 148, могут совершаться с мотивом, предусмотренным статьей 282, что ставит результат квалификации конкретного деяния в зависимости от субъективного усмотрения должностных лиц, ее производящих. К нынешнему дню ряд авторов сформулировали претензии к содержанию и применению этих статей³².

Обращение к зарубежному законодательству показывает наличие подобного рода статей и в нем: часть из них носит названия «за богохульство», «кощунство» и т.п. Однако в начале XXI в. ответственность за данный вид правонарушений в некоторых странах сходит на нет. Для России же характерна скорее обратная тенденция, декларируемой целью которой является охрана традиционных конфессий и общества в целом от оскорблений и проявлений экстремизма.

3. Философско-правовой анализ санкций

Но есть к этим статьям претензии более серьезные, чем указания на несовременность или политизированность. Одно из наиболее существенных замечаний касается того, что их содержание, по мнению критиков, противоречит ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу мысли и слова. Эта формулировка предполагает возможность высказывать различные мнения, в том числе и негативного характера, относительно различных общественных явлений, в частности в области религиозных отношений, будь то отдельные представители групп, сами группы, содержание вероучения, элементы

культа и пр. Справедливости ради заметим, что эта же статья Конституции запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. В этом нет буквального противоречия, однако приведенные формулировки дают основания для разночтений в трактовке указанного права, пределов его осуществления и целесообразности существования соответствующих норм Уголовного кодекса, что провоцирует бурную полемику вокруг практики их применения. Помимо ст. 29 Конституции РФ, дискуссии порождает соответствие смысла и практики применения данных статей УК РФ статье 28 Конституции, которая закрепляет свободу совести и убеждений, а также право действовать в соответствии с ними.

Рассматривая дискуссионные аспекты ст. 148 и 282 УК РФ, констатируем, что различного рода антирелигиозные провокации происходили с определенной периодичностью. Причем их объектом чаще выступала именно Русская православная церковь. Акция в храме Христа Спасителя в 2012 г., после которой были внесены изменения в ст. 148 УК РФ, в ряду подобных акций была воспринята частью общества как публичное богохульство и клевета в адрес церкви, а последовавшее ужесточение законодательства — как адекватная реакция государства на общественный резонанс и мера защиты представителей традиционных конфессий. Для многих граждан это было особенно важно, поскольку они именно церковь рассматривают в качестве института сохранения нравственности и основ культуры, института, который нуждается в защите от тех, кто извра-

³² Нуждов О. «Бог поругаем не бывает». «Статью 148 УК РФ не читал, но осуждаю!» (С) // *Zakon.ru*. 2016. 18 ноября. URL: https://zakon.ru/discussion/2016/11/18/bog_porugaem_ne_byvaet (дата обращения: 25.08.2024) ; Смирнов А. М. Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем теории криминализации деяний // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 4 (129). С. 211–217 ; Штыкова Е. Р. Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 371–374 ; Погасий А. К. Метаморфозы российского законодательства о свободе совести: от законотворчества до правоприменения // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4. С. 176–179 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // *Философия права*. 2017. № 4 (83). С. 111–116 ; Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // *Евразийское научное объединение*. 2020. № 1–2 (59). С. 143–147 ; Королев А. С. К вопросу о внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Образование и право*. 2019. № 3. С. 153–156.

щенно понимает свободу и использует ее во вред обществу. Что касается ст. 282 УК РФ, то отношение к ней варьируется в двух основных направлениях. С одной стороны, в ней видится средство сдерживания межрелигиозной розни, публичного выражения ненависти к различным социальным группам. Но с другой — она воспринимается как средство борьбы государства со свободой убеждений граждан, причем зачастую граждан, глубоко верующих и в силу этого побуждаемых к изобличению пороков современного мира. Активное использование этой статьи применительно к лицам, распространяющим убеждения через соцсети, начинается с 2011 г. и порождает массу противоположных оценок.

Как видим, в этом и других подобных инцидентах значимость сохранения нравственности и религиозной традиции входит в противоречие с ценностью свободы, которая постулируется во всех мировых религиях. Так, христианство выводит «богоподобие» человека из наличия у него не только души или разума, но и свободы. Христианская антропология утверждает, что сотворение человека совершалось при «попущении Божиим», что исключало его «запрограммированность» на добро, а обрекало на неизбежность выбора и ответственность за этот выбор. Без возможности выбора, без способности к творчеству, без наличия свободы человек перестает быть человеком. Свобода мнения представляет собой частный случай свободы человека, а потому также сопряжена с ответственностью. По этому поводу известный богослов А. И. Осипов замечает: «Свобода, например, слова, печати и тому подобное есть, бесспорно, нормальное явление в демократическом обществе. Однако таковым оно остается до тех пор, пока не переступает своих положительных границ, то есть пока служит благу человека. Обратившаяся же в свою противоположность, то есть в проповедь лжи, клеветы, порнографии, пропаганды насилия, войны и т.д., эта свобода становится злом и не может уже, следовательно, именоваться правом человека и иметь право на существование в обществе»³³. Как видим, согласно этой позиции, не всякое проявление свободы допустимо, но вместе с тем посягательство на нее идет вразрез с сущностью человека, как она понимается в религии.

Поэтому противники введения уголовной ответственности по ст. 148 и 282 УК РФ настаивают на том, что осуждать человека за выражение мнения недопустимо, что существующих, кроме этих статей, мер ответственности вполне достаточно. В частности, это касается норм гражданского, административного и уголовного права, которые устанавливают ответственность ровно за те же противоправные деяния независимо от наличия или отсутствия в них религиозного подтекста. Ведь участницы акции Pussy Riot оказались в исправительных учреждениях отнюдь не по ст. 148 УК РФ, не содержащей в то время поправок, касающихся чувств верующих, и не по ст. 282 УК РФ, тогда еще не прошедшей через процедуру частичной декриминализации, а по ст. 213 УК РФ «Хулиганство». Поскольку этой статье в 2012 г. было вполне достаточно для юридической квалификации деяния, то возникает вопрос о действительной цели внесения изменений в законодательство. Очевидно, что эта цель лежит не в религиозной плоскости.

Предусмотренные меры рассматриваются противниками ст. 148 и 282 УК РФ в их современных формулировках как покушение на свободу, в том числе на свободу самовыражения, значение которой в иерархии ценностей было всегда высоко, а в лице некоторых представителей современного общества приобрело исключительный статус. Сам факт существования этих статей, по мнению критиков, позволяет говорить об отсутствии равенства де-юре и де-факто, во-первых, среди различных религиозных объединений и, во-вторых, между верующими и атеистами.

Остроты общественной дискуссии по этому вопросу добавляет тот факт, что далеко не все верующие считают критические выпады в свой адрес, в адрес церкви обязательно проявлением ненависти. Не все из них готовы признать, что негативные инвективы уж как-то особенно задевают их чувства, и предлагают считать содержание и стилистику этих месседжей, особенно если речь идет о сетевой активности, не более чем индикатором, к сожалению, не очень высокого уровня общей культуры населения. Многие представители церкви вспоминают те заветы веры, которые призывают к терпимому восприятию чужих мнений, пусть даже и негативных — глумливых, враждебных — по форме и содержанию. С их точки зрения, «дух»

³³ Цит. по: Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 146–165.

законодательных новелл создает ложную картину, которая изображает верующих, особенно верующих традиционных религий, в виде нуждающихся в какой-то особой защите со стороны государства, как уязвимых социальных меньшинств. В действительности под предлогом охраны и защиты верующих зачастую происходит, по сути, грубое вторжение в дела религии, создаются условия для создания чрезмерной опеки церкви со стороны государства, что нарушает принципы светского общества и, более того, сковывает излишним контролем развитие самой церкви. В отношении между верующими, между верующими и атеистами теперь вклинивается чиновник или представитель силовых структур, которые в силу своего усмотрения или поставленных перед ними задач решают, в каком случае чувства были задеты, какое деяние свидетельствует о ненависти и пр.

Еще одним предметом данной дискуссии является вопрос не только о целесообразности, но и о соразмерности установленных в статьях мер. Чаще всего поводом к полемике становятся деяния, прямо не посягающие на жизнь, здоровье и личность верующих, но содержащие явный негативный, ироничный, ернический, глумливый посыл. Обычно речь идет о действиях пользователей Сети, которые размещают ироничные, а порой и циничные картинки, репосты, комментарии на тему религии и особенно в отношении тех религий, которые пользуются покровительством государства. Чуть реже имеются в виду действия, хотя и выражающие демонстративное неуважение, но не посягающие непосредственно на жизнь и здоровье людей.

Толкование подобного рода месседжей в качестве основания для выделения верующих в особую группу, которая нуждается в специальной опеке со стороны государства, вызывает у критиков сомнения. «Оскорбление чувств верующих», равно как и «ненависть и унижение по религиозному признаку», суть обозначение действий — глумления, кощунства, надругательства и пр., — потенциально задевающих внутренний мир верующих людей. Все они фиксируют ернически-ироничные и порой издевательские формы выражения, направ-

ленные против того, что для человека дорого. Но перечень всего того, что для него ценно, весьма широк и, конечно, не ограничивается рамками религии. В список «святынь» могут входить люди, территории, виды деятельности и т.д., поэтому действия, направленные против них, естественно, будут вызывать негативные чувства, чувства ущемленных чести и достоинства. Человек будет оскорблен, если станет свидетелем циничного поношения близких ему людей, он будет негодовать, услышав брань относительно его родины, дела, которым он занимается. Следуя логике законодателя, надо позаботиться не только о религиозных группах, но и о многих других, представители которых, используя терминологию, аналогичную ст. 148 и 282 УК РФ, воспринимают это как неуважение, чувствуют себя оскорбленными, ощущают по отношению к себе ненависть, вражду, переживают унижение, когда их святыни оказываются попранными. Тенденция развития законодательства в этом направлении существует³⁴. Однако думается, что это не только сложно осуществить, но и лишено целесообразности. Уместнее выяснить, чем конкретно та или иная группа навлекла на себя негативное общественное внимание. Это позволит выделить причины отрицательного отношения.

Примем во внимание и то, что иногда высокая степень эмоционального напряжения в межличностных и межгрупповых отношениях, в том числе и в сфере религии, является неизбежным следствием рождения новых форм социальности. То есть оскорбления, глумление и кощунство могут быть манифестациями и средствами становления нового этапа общественного развития, закономерно предполагающего «переоценку ценностей» (Ф. Ницше), либо выступать в качестве индикатора социальных проблем, заглушить которые подобными мерами уголовной ответственности часто оказывается невозможно.

Социальные конфликты и идейные противостояния — необходимое условие развития общества, без которого человечество было бы обречено на стагнацию. История знает немало примеров резких высказываний, направленных на разрушение традиции. Выражения Иисуса

³⁴ Различные санкции предусмотрены за отдельные формы выражения негативного отношения к суду, представителям государственной власти, ветеранам, государственным символам, символам победы и др. Рассматривается вопрос о введении ответственности за проявления русофобии. См.: В РФ разработан законопроект об уголовной ответственности за русофобию // Интерфакс. 2023. 18 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/russia/936757> (дата обращения: 25.08.2024).

Христа («Не человек для субботы, а суббота для человека»), Мухаммеда («Эти многобожники... поклоняются идолам, которые не могут принести им ни пользы, ни вреда»), Вольтера («Раздавите гадину!»), Ф. Ницше («Против священника нужны не доводы, а каторга»), безусловно, оскорбляя чувства носителей прежней традиции, являлись одновременно средством ее развития или формирования новой. Может быть, и возникающие конфликты на почве выражения религиозных убеждений и отношения к религии, которые мы наблюдаем сегодня, можно рассматривать как проявление глубинных процессов трансформации общества, а стремление защитить чувства верующих, пресечь проявления религиозной ненависти допустимо трактовать не только как желание оградить конкретные группы, но прежде всего как попытки силовыми средствами укрепить внешние очертания существующего социального и политического порядка. Формирование системы запретов в сфере выражения собственного мнения чревато введением цензуры. Однако это скорее борьба со следствиями, она не затрагивает причин негативных явлений и потому не может быть успешной.

4. Оценка антидиффамационного законодательства и борьбы с «языком вражды» как средств преодоления конфликтов в области религии

Но если уголовно-правовая защита групп, объединенных на основе собственно религиозных ценностей, представляется излишней, то необходимо определить, в каком направлении следует совершенствовать средства общественной саморегуляции, чтобы эксцессы кощунства над святынями, в какой бы области это ни происходило, проявлялись как можно реже. Если рассмотреть практику некоторых западных стран, то становится заметна тенденция развития права в сторону отказа от защиты религии как института в пользу охраны прав отдельных

личностей. Это обусловлено тем, что понятия «человеческое достоинство», «честь», хотя и употребляются в нормах права, определяются на основе этических кондиций и применимы только к физическому лицу. Признаки оскорбления очевидны только в тех случаях, когда действия направлены против определенного человека и нет сомнений в том, что речь идет именно о нем.

Смена акцентов происходит в рамках критики антидиффамационного законодательства (лат. *diffamo* — порочу, то есть распространение порочащих сведений), предусматривающего наказания только в случае оскорблений чувств верующих. Как отмечает Д. Темперман, «в целом антидиффамационный дискурс не является подходящим способом борьбы с современными формами религиозной нетерпимости. Антидиффамационный подход неприемлем, поскольку он стремится перенести акцент с защиты прав отдельных лиц на защиту религии как таковой»³⁵, критика религии начинает некорректно отождествляться с оскорблением, «некритично делается прыжок от вероятности того, что некие лица будут оскорблены определенной публикацией или публичной речью, к реальному нарушению прав этих лиц»³⁶. Поэтому он предлагает, постепенно отменяя законы о богохульстве и диффамации, одновременно уделять внимание борьбе с «языком вражды», то есть с любыми формами оскорбительных для любых групп выражений, на что бы они ни были направлены³⁷. Некоторые отечественные авторы также положительно рассматривают возможности правового противодействия «языку вражды» и рекомендуют обратиться к зарубежным (преимущественно европейским) наработкам в этой сфере³⁸.

Однако хотя западные страны имеют значительный социальный и правовой опыт в осмыслении понятия «язык вражды», его нельзя назвать успешным. Во-первых, как считает А. В. Гладилин, «на сегодняшний день не выработаны какие-либо, хотя бы даже приближенные, принципы идентификации паттер-

³⁵ Темперман Д. Свобода выражения и религиозные чувства в плюралистических обществах: проблема экстремальных высказываний // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 14.

³⁶ Темперман Д. Указ. соч. С. 17, 19.

³⁷ Темперман Д. Указ. соч. С. 36–38.

³⁸ Коваль Е. А. Практика Европейского Суда по правам человека по противодействию языку вражды в условиях глокализации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 13–25.

нов «языка вражды» и анализа текстов, положительно содержащих такие паттерны»³⁹. Во-вторых, от себя добавим, что такой путь ведет к формированию своего рода «положительной» цензуры, где обязательная толерантность становится инструментом социального принуждения. Россия, идя в законотворчестве во многом по пути Европы, США, выполняя рекомендации международных структур (например, реализация Целей в области устойчивого развития ООН⁴⁰, введение цифрового рубля, внедрение стандартов в сфере здравоохранения, в контроле за изменением климата, в области территориального развития, питания и др.), довольно последовательно устанавливает ограничения на формы выражения мнения, убеждений или отношения, опираясь на антиэкстремистское законодательство, законы, регулирующие деятельность СМИ, и информационное пространство в целом. Можно предположить, что правовое закрепление противодействия «языку вражды» будет иметь те же негативные последствия, что и за рубежом. Суммируя, можно определить их как борьбу с инакомыслием, критикой в адрес отдельных социальных групп, конфронтацию с устоявшимися социальными формами. Последнее проявляется в проведении политики новой нормальности. Как видим, и «положительная», и «отрицательная» цензура способна закреплять в законодательстве и генерировать дискриминационные социальные практики.

Результаты

Соотнеся статьи уголовного законодательства, направленные на защиту групп верующих, их вероучения и образа жизни, с историко-культурным контекстом, можно зафиксировать ряд значимых результатов. Во-первых, мировой опыт знает подобные меры государственного регулирования. Более того, ряд стран применяет их и в настоящее время. Для других стран эти нормы являются скорее данью традиции и на практике не применяются. Во-вторых, существование подобных статей в России свидетельствует о серьезной напряженности как в сфере

взаимодействия различных социальных групп, так и в области взаимодействия государства и общества. В-третьих, у данных мер ответственности имеются и сторонники, и противники. Причем обе стороны в качестве оснований ссылаются не только на права и свободы светского общества, но и на догматы исповедуемых традиционных религиозных учений, что погружает юридические инструменты в противоречивый и многогранный социокультурный контекст. В-четвертых, несмотря на выраженную обращенность ст. 148 и 282 УК РФ к сфере религиозных отношений, их подтекст только частично выражает стремление оградить верующих от нападок. В большей степени они представляют собой попытки государственного администрирования тех сфер, которые потенциально могут быть источником угрозы для сложившейся системы власти. В-пятых, кроме случаев проявления открытой агрессии с причинением вреда здоровью и жизни людей, обе статьи предусматривают ответственность за выражение тех или иных идей, а равно за действия, которые могут быть по усмотрению уполномоченных лиц рассмотрены в этом качестве. Следовательно, действительная составляющая уголовной ответственности за религиозный экстремизм и оскорбление чувств верующих — установление границ свободы выражения собственного мнения, закрепленной в ст. 28 и 29 Конституции РФ. Причем в свете смысла статей УК РФ устанавливаемые границы нельзя считать результатом общественного согласия, но скорее результатом усмотрения правоприменителя.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что меры уголовной ответственности, предусмотренные статьями 148 и 282 УК РФ, только отчасти направлены на защиту религиозных убеждений и образа жизни отдельных социальных групп. Преследуя цель защитить значимые, по мнению государства, общественные отношения от наиболее опасных посягательств, законодатель устанавливает ответственность за выражение мнения. Однако историко-культур-

³⁹ Гладилин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya> (дата обращения: 25.08.2024).

⁴⁰ Цели в области устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.08.2024).

ный контекст правоприменительной практики показывает, что, во-первых, сама религия в лице по крайней мере мировых религий содержит диаметрально противоположные императивы. Первый утверждает приоритет богоданной свободы, а второй — необходимость защиты святынь от посягательств, пусть и не причиняющих прямого физического вреда людям. Во-вторых, ограничение свободы выражения мнений не столько преследует цели охраны верующих, сколько открывает возможности административного воздействия на значимые для государства области общественной жизни. То есть цель ограждения религии от посягательств зачастую является вторичной.

Эти выводы можно рассматривать как приглашение к дискуссии об эффективности и целесообразности правовых инструментов в области выражения собственных мнений, к обсуждению вопроса о путях решения задачи по снижению конфликтного потенциала в области религиозных отношений, снижения градуса деструктивной активности конфликтующих групп. Возможны по крайней мере два варианта правового решения этого вопроса, каждый из которых имеет свои недостатки. Первый предлагает законодательную регламентацию и ограничение так называемого «языка

вражды» с одновременной разработкой «религиозно нейтрального» языка. Негативным следствием этого, как показывает опыт ряда западных стран, может стать «принудительная толерантность» — своего рода «цензура на оборот», или «положительная» цензура. Второй вариант предполагает законодательное закрепление государственных приоритетов в области религиозных отношений и, по существу, введение цензуры или «отрицательной» цензуры, выражающейся в запретах на четко оговоренные формы высказываний или иные формы выражения религиозных убеждений и отношения к религии. Негативным следствием этого выбора становятся ограничения свободы выражения убеждений или мнения, в крайних своих формах повторяющие сценарий «охоты на ведьм». Очевидно, что каждый из этих вариантов, а равно и их сочетание содержат своего рода нормативную ловушку, порожденную смыслом каждой из предполагаемых стратегий. Оба они уводят от решения главной задачи: как исключить проявления взаимной ненависти и глумления над святынями при сохранении различий в мировоззрении. Возможности решения этого вопроса могут быть изучены в ходе дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А. Борьба против диффамации религий в резолюциях ООН // Журнал Московской патриархии и Церковный вестник. 2011. № 6. URL: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/.
- Бидова Б. Б. Анализ вопросов борьбы с религиозным экстремизмом: сравнительно-правовой анализ // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 45–49.
- Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 263 с.
- Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Жукова О. И. Христианский теологический дискурс в современной России: области приложения, актуальные проблемы // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3. С. 23–31.
- Гамидов Р. Т. Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 28–32.
- Гладилин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya>.
- Ермакова Т. Н., Петухов К. В. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 70–75.
- Зайцев И. А. Уголовно-правовой и административно-правовой способы охраны конституционного права на свободу совести и вероисповедания по законодательству Российской Федерации и некоторых стран СНГ // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 497–501.
- Коваль Е. А. Практика Европейского Суда по правам человека по противодействию языку вражды в условиях глокализации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 13–25.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 2 : Особенная часть. Разд. VII–VIII / В. М. Лебедев [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2023. 371 с.

Королев А. С. К вопросу о внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 3. С. 153–156.

Лекторский В. А. Деятельностный подход: начало и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1 (75). С. 13–16.

Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65.

Науменко Т. В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Журнальный клуб «Интелрос» Credo new. 2013. № 1. URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html.

Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 111–116.

Погасий А. К. Метаморфозы российского законодательства о свободе совести: от законодательства до правоприменения // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 176–179.

Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2 (59). С. 143–147.

Смирнов А. М. Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем теории криминализации деяний // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 211–217.

Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний в уголовно-правовой семье религиозного права на примере современных мусульманских государств // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 9 (113). С. 401–411.

Темперман Д. Свобода выражения и религиозные чувства в плюралистических обществах: проблема экстремальных высказываний // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 12–39.

Хулап В. Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 150–171.

Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 146–165.

Штыкова Е. Р. Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 371–374.

REFERENCES

Abramov A. The fight against defamation of religions in UN resolutions. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii i Tserkovnyy vestnik*. 2011;6. Available at: http://e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/. (In Russ.).

Bidova BB. Analysis of the issues of combating religious extremism: Comparative legal analysis. *Nauka bez granits*. 2017;5(10):45–49. (In Russ.).

Ermakova TN, Petukhov KV. Criminal law protection of freedom of conscience and religion in Russia and foreign countries. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;3:70–75. (In Russ.).

Gamidov RT. Legislative experience in countering terrorist activities (using the example of a number of countries). *Probely v rossiyskom zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal*. 2016;7:28–32. (In Russ.).

Gavrilov EO. Modern religiosity as a representative and factor of social development: A monograph. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ.; 2015. (In Russ.).

Gavrilov OF, Gavrilov EO, Zhukova OI. Christian Theological Discourse in Modern Russia: Application areas, current issues. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2023;3:23–31. (In Russ.).

Gladilin AV. «Hate speech» as communication. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2012;11(19). (In Russ.).

Khulap V. German criminal law in the field of religion: History and current discussions. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2017;2:150–171. (In Russ.).

- Korolev AS. On the issue of amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Obrazovanie i pravo*. 2019;3:153-156. (In Russ.).
- Koval EA. The practice of the European Court of Human Rights on countering hate speech in the context of globalization. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 2020;1(8):13-25. (In Russ.).
- Lebedev VM, et al. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 2: The Special part. Sections VII–VIII. Lebedev VM, editor. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).
- Lebedev VM, et al. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 4: The special part. Sections XI–XII. Lebedev VM, editor. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).
- Lektorsky VA. Activity-based approach: Beginning and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2008;1(75):13-16. (In Russ.).
- Lektorsky VA. The activity approach: Death or rebirth? *Voprosy filosofii*. 2001;2:56-65. (In Russ.).
- Naumenko TV. Activity-based approach as an explanatory principle of modern social philosophy. *Zhurnalnyi klub Intelros «Credo New»*. 2013;1. Available at: https://intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2013/18496-deyatelnostnyy-podhod-kak-obyasnitelnyy-princip-sovremennoy-socialnoy-filosofii.html. (In Russ.).
- Osokin RB, Kokorev VG. The principle of justice and equality as a criterion for evaluating and improving Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the right to freedom of conscience and religion». *Philosophy of Law*. 2017;4(83):111-116. (In Russ.).
- Pogasiy AK. Metamorphoses of Russian legislation on freedom of conscience: From lawmaking to law enforcement. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016;4:176-179. (In Russ.).
- Shtekl K. The approach of the Russian Orthodox Church to the issue of human rights. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2014;3(32):146-165. (In Russ.).
- Shtykova ER. The concept of «extremist crimes»: Difficulties in interpreting the legislative definition. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2019;8(1):371-374. (In Russ.).
- Silantev SA. Conflicts of norms of criminal and administrative law on responsibility for insulting religious feelings of believers: Causes, manifestations, ways of overcoming. *Evraziyskoe nauchnoe obedinenie*. 2020;1-2(59):143-147. (In Russ.).
- Smirnov AM. The establishment of criminal liability for insulting the religious feelings of believers as an example of the legislator's disregard for the theory of criminalization of acts. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2019;4(129):211-217. (In Russ.).
- Stromov VYu. The system of criminal penalties in the criminal family of religious law on the example of modern Muslim states. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Tambov University Review. The Humanities Series]*. 2012;9(113):401-411. (In Russ.).
- Temperman D. Freedom of expression and religious feelings in pluralistic societies: Problem of extreme statements. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2013;2(31):12-39. (In Russ.).
- Zaytsev IA. Criminal law and administrative law methods of protecting the constitutional right to freedom of conscience and religion under the legislation of the Russian Federation and some CIS countries. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2018;15(4):497-501. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Олег Федорович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета
д. 6, Красная ул., г. Кемерово 650000, Российская Федерация
gof57@yandex.ru

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и административного права Юридического института Кемеровского государственного университета; доцент кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета
д. 22а, Ворошилова ул., г. Кемерово 650056, Российская Федерация
gavrilich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg F. Gavrilov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
gof57@yandex.ru

Evgeny O. Gavrilov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Law Institute, Kemerovo State University; Associate Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation
gavrilich@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 6 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2025 г.

Received 06.09.2024.

Revised 14.10.2024.

Accepted 15.03.2025.